

Интервью с Захаром Ильичем ФАЙНБУРГОМ

«ИДТИ ВПЕРЕД!»

Файнбург З. И. (1922–1990) – доктор философских наук, профессор. Основные области исследований: социология труда, социальное планирование, социология культуры, социология будущего. Интервью с его сыном Г. З. Файнбургом состоялось в 2016–2017 гг.

Григорий Файнбург отвечает на вопросы Бориса Докторова¹

24 января исполнилось 95 лет со дня рождения Захара Ильича Файнбурга (1922-1990) – одной из ярких фигур советской социологической науки, представителя первого поколения послевоенной российской социологии. Он родился через четыре года после Октябрьской революции и испытал все тяготы становления и расцвета сталинизма: арест и потерю родителей, воспитание в детском доме, войну, послевоенные годы борьбы с «безродными космополитами» и невозможность жить в Москве. На протяжении всей жизни ему пришлось постоянно преодолевать идеологические препятствия, возникавшие на пути публикации его пионерных экономических и социологических работ, прибегать к эзопову языку литературных рецензий, прикрывающих его социологический анализ научной фантастики с целью изложения своего понимания развития общества.

«Моя жизнь была тяжелой, но не была бременем» - говорил о своей жизни сам Захар Ильич.

В детдоме он очень много читает, начинает знакомиться с философскими и литературно-критическими произведениями, затем поступает в известный ИФЛИ, где учится у выдающихся обществоведов, 9 июля 1941 года добровольцем уходит на фронт. Вернувшись с войны, с отличием заканчивает экономический факультет МГУ и вынужденно уезжает на работу в тогда далекую, провинциальную Йошкар-Олу. Лишь в 1960 году он переезжает в промышленно развитую Пермь и до конца жизни работает в Пермском политехническом институте.

¹ Первая публикация: Файнбург З.И.: «Идти вперед!» Григорий Файнбург отвечает на вопросы Бориса Докторова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017, №1, с. 10-18.

После смерти Сталина и реабилитации родителей Файнбург смог защитить кандидатскую диссертацию по конкретной экономике, тогда же он начинает социально-экономические исследования на промышленных предприятиях, что в конце 1950-х было делом новым, малопонятным. Файнбурга можно обоснованно рассматривать как одного из пионеров экономической социологии в СССР и зачинателя прикладных исследований в области социологии труда. Он был среди первых, кто открывал тематику социального планирования на производстве.

Как философ и социолог Файнбург многие годы отдал изучению природы социалистического общества, сущности культа личности. Он внес серьезный вклад в развитие теории культуры. Файнбург – не только экономист, философ и социолог, он – фантастовед, и его причисляют и к видным отечественным культурологам. Нельзя не отметить работ Файнбурга футурологической направленности. Здесь удивительным образом соединились глубокое знание им природы социалистического общества, а также любовь и профессиональное понимание научной фантастики. Он дружил с братьями Стругацкими и переписывался со Станиславом Лемом.

З. И. Файнбург – один из создателей Уральской социологии, основатель «школы Файнбурга». Традиции, заложенные им, живы и развиваются в рамках многолетних «Файнбургских чтений» в Перми.

Ниже публикуются фрагменты обстоятельного интервью с сыном З. И. Файнбурга – доктором технических наук, профессором Григорием Захаровичем Файнбургом. Им уже сделано и делается очень много для сохранения научного архива отца и публикации его произведений. Конечно, не будучи социологом, он испытывает определенные трудности в поддержании архива и в анализе научного наследия З. И. Файнбурга. Но, по моему мнению, он не просто с честью исполняет свой сыновний долг, но стал подлинным экспертом в вопросах творчества З. И. Файнбурга.

Файнбург З.И.: «Идти вперед!»

Григорий Файнбург отвечает на вопросы Бориса Доктора

Траектория жизни З.И. Файнбурга

Григорий, пожалуйста, расскажите об основных узлах траектории жизни Захара Ильича Файнбурга как ученого

Начало траектории — жизни и творчества» Захара Ильича связано с его рождением в семье ответственных советских (и партийных) работников, которая дала ему хорошее образование, привила оптимистическое мировоззрение и подлинно коммунистическую идеологию.

Первый узел его жизни был трагичен. Арест и гибель родителей были мощным ударом для 16-летнего Захара, оставили неизгладимый след «верности» репрессированному революционному поколению, их идеалам и образу жизни, обусловили его желание понять механизмы развития общества, которое породило «культ личности» и неразрывно связанные с ним репрессии.

Второй узел был счастливым — он попал в хороший детдом и приобрел хороших, верных московских друзей. Получил возможность отлично учиться и очень много читать. Именно здесь, в детдоме, он (по его словам) открыл для себя Спинозу, Белинского, Бэкона, Добролюбова, Богданова, Плеханова, Энгельса, Маркса, Ленина...».

Третий узел был также счастливым и определил траекторию научного творчества Захара Ильича — поступление отличника, детдомовца, ворошиловского стрелка, комсомольца Захара Файнбурга на экономический факультет в знаменитый Московский ИФЛИ (Институт философии, литературы и искусства). Перед ним открылась редкая возможность получить не просто хорошее, а прекрасное образование, ибо ему и его талантливым сокурсникам в их «коммунистическом Лицее» преподавал весь «цвет» профессуры, уцелевшей от репрессий 30-х годов. Это были люди, сформировавшиеся как ученые и педагоги еще до революции, учившиеся за границей, знающие языки и методы истинной науки... Они вольно или невольно прививали своим ученикам научную методологию познания и учили научным методам исследования.

Четвертый узел жизни — Великая Отечественная война, на фронты которой 9 июля 1941 года уходит добровольцем Захар Файнбург. Судьба сохранила его.

Пятый узел жизни — осенью 1945 года Захар Ильич встретил свою будущую жену Галину Петровну Козлову (1927—2000), учившуюся на одной с ним специальности — политэкономии, но на разных курсах. Она стала не просто женой и матерью его детей, а образовала с Захаром Ильичем «научный тандем», стала его основным соавтором, верным соратником, помощницей и научным «оппонентом» в их поиске истины. Без нее и ее природного дара абсолютно безупречно логически мыслить и хорошо писать Захар Ильич никогда бы не стал тем, кем он стал.

Шестой узел (определивший стиль и метод творчества) — одним из любимых преподавателей Захара и Галины был доцент А. А. Пальцев, который вел у них семинар по «Капиталу» Маркса. Он сумел заложить в их сознание диалектическую логику — основу Марксова метода научного познания. Они всю жизнь считали его своим Учителем с большой буквы и посвятили ему свою книгу «Диалектическая

логика политэкономии социализма», рассматривающую политэкономии социализма в полной аналогии с логикой «Капитала» – диалектической логикой политэкономии капитализма.

Седьмой узел жизни – фронтовик и член партии, круглый отличник, именной стипендиат, один из лучших студентов своего курса, но сын «врагов народа», а главное – «безродный космополит» Захар Файнбург был вынужден вместо аспирантуры в Москве уехать из Москвы (где никто не брал его на работу) в далекую от Москвы и тогда совершенно провинциальную 50-тысячную Йошкар-Олу.

Но нет худа без добра, и ежедневное общение (в том числе на бытовом уровне) со ссыльными профессорами московских и питерских вузов продолжает формировать Захара Ильича как будущего ученого и педагога. Одновременно возможность порыться в сундуках вдов арестованных и сгинувших профессоров с литературой начала XX века (до 30-х годов) и купить приглянувшиеся ему книги обеспечивает личную библиотеку Захара Ильича такими раритетами, как стенограммы ранних съездов партии, работы Бухарина, Богданова, Туган-Барановского, Джона Рида, раннего Эренбурга и многих других авторов, их неперездающимися или негласно запрещенными произведениями.

Восьмой узел – смерть Сталина и реабилитация родителей открывают Захару Ильичу возможность написания диссертации. Хотя один из первых вариантов диссертации (1954 года) фактически продолжал линию дипломной чисто «политэкономической» работы и был достаточно сильно теоретическим, под влиянием обстоятельств работа стала принимать все более конкретно-экономический характер. Это дает возможность Захару Ильичу лучше понять производство и труд, овладеть методами эмпирических исследований, экономического анализа – все это впоследствии легло в основу его профессиональных умений социолога. Первая научная публикация З. И. Файнбурга (о механизации лесозаготовок) датирована 1955 годом.

В 1959 году в МГУ З. И. Файнбург защищает кандидатскую диссертацию по экономике.

Девятый узел – Захар Ильич и Галина Петровна одними из первых в стране обществоведов начинают (1957 год) работать с промышленными предприятиями на основе хоздоговоров. И первый их хоздоговор обращает их к проблеме механизации труда в бумажной промышленности.

Не критика буржуазных теорий, не прославление политики партии, а конкретная работа над конкретными проблемами становится стилем научной деятельности Захара Ильича и Галины Петровны.

Десятый узел – блестящий доклад Г. П. Козловой (З. И. Файнбурга не отпустили, хотя уже увольняли за профнепригодностью) на Всесоюзной конференции в МГУ в 1960 году об их работах по механизации труда¹ позволил получить поддержку лично начальника Управления общественных наук Минобразования СССР т. Юдачева и уехать от бесконечных гонений в Йошкар-Оле на работу в новый только что созданный Пермский политехнический институт. Там Захар Ильич и Галина Петровна счастливо проработали всю оставшуюся жизнь.

¹ Как-то размышляя, Галина Петровна написала: «В сущности, наш первый доклад на конференции в 1960 г. был более глубоким (оказался таким), нежели мы тогда понимали и нежели поняли слушатели. Цену идей познаешь на расстоянии. Ведь мы тогда впервые показали структуру социальных процессов (одного из них), причем структурирующим моментом была механизация труда, т.е. изменение содержания труда в процессе непосредственного изготовления продукта.

Одиннадцатый узел — продолжение многолетних работ по механизации труда, теоретическим результатом которых было выяснение влияния технического прогресса на изменение характера труда, в 1963 году приносит успех научному тандему З. И. Файнбурга и Г. П. Козловой, знакомит их со многими видными учеными.

Двенадцатый узел — в 1964 г. Захар Ильич становится заведующим и организатором новой кафедры «Основ научного коммунизма» и сразу начинает ставить учебный курс научного коммунизма, как курс научно обоснованной марксистской **социологии**, создает при кафедре две **лаборатории социологии** (промышленного производства и образования), развертывает социологические исследования, получает возможность вести самостоятельную научную работу, распоряжаться своими научными интересами. В этом же году он пишет большую работу (оставшуюся неопубликованной) с характерным названием **«Социология будущего и научная фантастика»**.

В 1966 г. З.И. Файнбург становится членом правления Советской социологической ассоциации, входит в только что созданный Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований.

Именно в тот год, Захар Ильич записывает «для себя» структуру первоначального замысла будущей книги «К вопросу об историческом месте социализма (Опыт теоретической постановки проблемы)». Вопрос, который его волновал, — **историческое место социализма на пути к будущему** — является кардинальным вопросом современности до сих пор, а **социология будущего** — привлекает внимание все новых и новых исследователей.

Тринадцатый узел — самый престижный тогда журнал «Вопросы философии» после долгих мытарств публикует в 1967 году программную статью Захара Ильича «Современное общество и научная фантастика». Эта статья актуальна до сих пор, она не несет на себе практически никаких отпечатков того времени.

Четырнадцатый узел — несмотря на серьезную болезнь, впервые чувствительно давшую о себе знать осенью 1967 года, кандидат экономических наук, доцент по кафедре политэкономии, заведующий кафедрой основ научного коммунизма Захар Ильич успешно занимается социологической наукой и после долгих перипетий в 1972 году в Ростове-на-Дону защищает докторскую диссертацию по философии на тему «Развитие социалистического общества и научно-техническая революция», в которой прослеживает влияние НТР на изменение функционального содержания труда, его социально-экономического характера, организацию труда, развитие культуры и сознания. Это была целостная системная концепция развития общества, подкрепленная прекрасным теоретическим и эмпирическим материалом.

Казалось бы, пройден «обязательный курс» ученого и теперь — доктор философских наук и профессор может пуститься в «свободное плавание» по морям и океанам науки, но...

Пятнадцатый узел — «мрак и туман» 70-х годов. В то время практически ничего в общественном сознании без одобрения ЦК КПСС не делалось. И вот в 1976 г. на XXV съезде КПСС были названы три важнейших направления развития общественных наук: исследование изменения характера труда под воздействием научно-технического прогресса, социальное планирование и изучение образа жизни. Первой проблемой Захар Ильич начал заниматься с конца 50-х годов, а двумя другими проблемами — со второй половины 60-х годов, т.е. задолго до того, как было «дано высочайшее позволение» заниматься этим актуальнейшими проблемами развития общества. Но вот позволение дано, проблемы названы, официальная советская наука приступила к их «решению».

А Захару Ильичу эти проблемы и некоторые их решения известны уже давно, и его мысли и результаты исследований оказались настолько глубоки, что «Вопросы философии»² перестают его печатать, — видимо, чтобы впредь своей «еретической мыслью» Захар Ильич не опережал указаний свыше. В это же время издательство «Мысль» отказывается публиковать рукопись З.И. Файнбурга «Научно-техническая революция и развитие социалистического общества» [М.: Мысль, 1975. План изданий, № 57. 18 п. л. Тираж 15 тыс. экз.], а издательство «Политиздат» — «Миражи современной утопии (Утопия в облике научной фантастики)». [М.: Политиздат, 1974. План изданий, № 21. 10 п. л. Тираж 50 тыс. экз.]. Недаром Захар Ильич горько шутил: «Для «Мысли» мыслей много, а для «Политиздата» — мысли не те».

А Захару Ильичу было что сказать, о чем, например, свидетельствует тот факт, что Юрий Аронович Бжелянский из редакции журнала «Экономические науки»³ в том же 1976 году без проволочек публикует статью З. И. Файнбурга и Г. П. Козловой «Становление нового исторического типа труда», которая сразу же была включена Министерством образования СССР в списки рекомендуемой студентам литературы. Это был огромный научный успех и внедрение в практику в условиях того времени.

Шестнадцатый узел — публикации в конце 70-х годов в Ростове-на-Дону фундаментальных работ З. И. Файнбурга по культуре, внесших огромный вклад в деятельность концепцию культуры. Интересно отметить, что благодаря этим работам экономиста и социолога З. И. Файнбурга все чаще стали называть и продолжают и поныне именовать известным «культурологом».

Семнадцатый узел. Изменения производства под влиянием научно-технической революции, возникновение тяги к самоуправлению породили потребность в так называемом социальном планировании предприятия. В ответ на эту потребность возникают исследовательские центры промышленной социологии в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Горьком, Уфе, Львове. В их ряд становится и созданная Захаром Ильичем лаборатория социологии Пермского политехнического института, ориентированная на запросы промышленности. Захар Ильич определил три направления исследований лаборатории, которые вели три сектора: социологии труда, социологии культуры, социального планирования. Названия секторов отражали глубокое убеждение Захара Ильича в том, что в основе исследования современного общества лежат проблемы труда, культуры и организации социальных сторон производства.

Широкую известность лаборатории социологии принесла «Методика социального планирования коллектива предприятия», опубликованная в июле 1969 г. в Перми. В конце 1969 г. методика экспонировалась на ВДНХ СССР: коллектив лаборатории социологии ППИ наградили грамотами, а руководители работы, включая З.И. Файнбурга, получили медали ВДНХ.

Восемнадцатый узел.

А за «кулисами» этой насыщенной и непростой жизни идет создание одной из частей «марксизма» XX века — научного метода — диалектической логики политэкономии социализма.

² Отмечу, когда главным редактором журнала «Вопросы философии» (1961–1968 гг.) был М.Б. Митин, которого часто ругают за реакционность, то Захар Ильич постоянно там печатался, а когда главными редакторами стали «прогрессивные» И.Т. Фролов (1968 – 1977 гг.) и В. С. Семёнов (1977 – 1988 гг.), то статьи его постепенно перестали печатать. — Г.З.Ф.

³ Сотрудничество именно с этим журналом и с этим редактором длилось потом многие годы. — Г.З.Ф.

Книга «Диалектическая логика политэкономии социализма» стала своего рода завершением определенного этапа работы над проблемой обновления парадигмальной концепции политической экономии социализма.

В качестве определяющего (основного) экономического отношения социализма авторы приняли «коллективность» — если в буржуазном обществе господствующей категорией является капитал, то в обществе, отрицающем буржуазность, такой категорией является коллективность. Размышляя о коллективности, Захар Ильич и Галина Петровна использовали мысль К. Маркса о формальном и реальном подчинении труда капиталу. Их интересовал вопрос: каким образом формальная коллективность (и соответствующая ей государственная собственность) развивается, превращаясь в реальную коллективность (и соответствующую ей общественную собственность)?

Так возникла идея новой книги, развивающей и продолжающей идеи «Диалектической логики политической экономии социализма», в которой можно было бы рассмотреть социалистическое общество как целостную систему с позиции коллективности, определяя уровень «развитости социализма» уровнем развития реальной коллективности. Эта идея требовала воплощения. И оно не заставило себя ждать.

Девятнадцатый узел.

Весной 1982 г., находясь в Институте повышения квалификации в Москве, Захар Ильич познакомился с интересным и умным человеком — Микелисом Георгиевичем Ашманисом, заведующим кафедрой научного коммунизма Латвийского государственного университета. Они подружились, ибо у них было много общего. Родилась идея о том, что Захар Ильич приедет в Ригу и прочитает там специальный курс лекций, излагаемый научно, нормально логически и системно с позиций анализа противоречий по всем вопросам теории социализма.

Спецкурс вызвал большой интерес, и в конце 1984 г. рижское издательство «Авотс» («Вперед») по рекомендации М. Г. Ашманиса приняло предложение опубликовать содержание этого спецкурса в книге «Коллективистское общество. Утопия. Теория. Реальность» (Популярный очерк исторического места коммунистической формации).

Летом 1985 г. рукопись книги была подготовлена для «Авотс» и получила более точное название «Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность». Ранней весной 1987 г. Захар Ильич был вновь приглашен в Ригу на две недели для чтения четырнадцатичасового спецкурса «Социализм как система противоречий». И опять его лекции слушали не только преподаватели и научные сотрудники из Латвийского государственного университета, но и еще из семи вузов республики и трех институтов Академии наук Латвийской ССР. Прочитанные лекции помогали уточнить авторам содержание рукописи, она постепенно улучшалась. Но издание так и не состоялось...

Когда издательство «Авотс» окончательно отказалось от издания, рукопись и все необходимые для издательства документы, составившие две увесистые бандероли, были отосланы в июле 1987 г. в издательство Саратовского государственного университета, определенного для публикаций Головного совета по коллективности. Но все планы по изданию полностью развалил разгул «перестройки».

Двадцатый узел.

Перестройка и сопровождавший ее рост свободы слова вызвали жгучий интерес людей к социальным наукам, к истории страны, к перспективам развития советского общества. Подтачиваемый неизлечимой тяжелой болезнью, Захар Ильич торопится писать, выступать, стремится успеть передать свои мысли другим.

В апреле и мае 1987 г. по просьбе студентов (в связи с выходом на экраны фильма Т. Абуладзе «Покаяние») Захар Ильич прочитал (с перерывами в неделю) три открытые (публичные) лекции о культуре личности. Сохранилась магнитофонная запись этих лекций и ответов лектора на вопросы слушателей продолжительностью около восьми часов. Фактически в стране впервые публично и на основе фактов развенчивался культ личности.

Лекции вызвали невероятный интерес, стали событием общественной жизни миллионного города, стали известны в других городах, откуда Захару Ильичу постоянно звонили, чтобы узнать, какие новые мысли родила его голова по этому поводу. Институт был завален просьбами организаций прислать к ним данного лектора для повторения этого цикла лекций. Начался бизнес — из под полы продавали магнитофонные записи этих лекций. Тысячи пермяков помнят эти лекции до сих пор.

Стало ясно, что содержание лекций должно стать достоянием многих людей — это означало, что лекции нужно опубликовать. Развивая эту мысль, партком Пермского политехнического института обратился с письмом в «Политиздат» с предложением издать лекции Захара Ильича. «Политиздат» согласился. Так внезапно и незапланированно началась огромная работа Захара Ильича и Галины Петровны (одновременно с необходимым редактированием рукописи о коллективистском обществе) над книгой о культуре личности, ныне известной как «Не сотвори себе кумира...».

Первый вариант рукописи о культуре личности был написан во второй половине 1987 г. и в апреле 1988 г. отправлен в редакцию «Политиздата», где, благодаря перестройке, постоянной смене редакторов и прочей столичной суете, застрял без ответа надолго. Рукопись вернулась авторам через год в июне 1989 г. с просьбой срочно учесть замечания и еще раз отредактировать текст, так как книга включена в план редакционной подготовки 1990 г.

Однако к тому времени дорабатывать первоначальный текст книги о культуре личности чисто стилистически и редакционно стало нецелесообразно. Так случилось, что за два года, прошедшие после чтения лекций о культуре личности в мае 1987 г., в центральных издательствах был опубликован ряд объемных статей и книг по истории культа личности, многие идеи которых опирались на впервые высказанные Захаром Ильичем мысли⁴. В оборот было вовлечено множество воспоминаний, документов, фактов. При этом обилии материала теоретический уровень рассмотрения проблемы был очень далек от желаемого. Преобладала фактография и историография. Отдельные факты и индивидуальные судьбы людей заслоняли общую социальную картину произошедшего.

Захар Ильич решает сократить исторический материал, усилив социологический и философский аспекты, акцентировать внимание на теоретическом рассмотрении исторического места социализма. Именно для этого был написан специальный очерк об идейных и социальных предпосылках культа личности (марксизм, предмарксизм, псевдомарксизм), во многом основанный на текстах рукописей книги о коллективистском обществе. Заметим, что многие важнейшие идеи книги «Коллективистское общество» также органично вошли в текст книги о культуре личности, где Захар Ильич попытался целостно изложить свое научное представление об

⁴ Автор этих строк сам неоднократно присутствовал при телефонных разговорах отца с различными учеными Москвы, которые буквально его «рвали на части», выпытывая те или иные свежие мысли, например, о том, что реальный переворот был совершен И.В. Сталиным не в 1937 г. (как об этом тогда все думали), а в год великого перелома — 1929 г. Теперь это расхожая истина, но впервые о ней публично сказал Захар Ильич. И уже через месяц после этих разговоров и его лекции эти его новаторские мысли были опубликованы под другими фамилиями в центральных журналах. — Г.З.Ф.

историческом месте социализма в развитии человеческого общества. Так сложилось, что в этой книге фактически был подведен своего рода итог всей научной деятельности Захара Ильича, сумевшего в краткой и доступной для широкого читателя форме представить своего рода энциклопедию по теории социализма⁵.

В декабре 1989 г. исправленная рукопись книги о культе личности была отослана в «Политиздат», но самые последние редакционные правки были отосланы только в мае 1990 г.

Отправив рукопись книги, Захар Ильич возвращается к рукописи «Коллективистского общества...». Но и здесь непростая судьба Захара Ильича преподнесла ему свою последнюю «подлянку». Он так хотел заново, другими словами другой терминологии и фразеологии совершенно открыто и строго научно переписать свое «Коллективистское общество...», но успел переписать только самое-самое начало — «Введение» и часть первой главы. Последней фразой его научного творчества стали слова: «Научная (в строгом смысле этого слова) эпоха в истории идеи коллективистского общества начинается с работ К. Маркса (и Ф. Энгельса).»⁶

Траектория жизни завершилась — 10 сентября 1990 года ранним утром, в больнице, на пике резкого обострения тяжелой болезни Захар Ильич умер.

Как-то раз, в 1968 году, в середине своего творческого пути, Захар Ильич, размышляя о судьбе Кандида из «Улитки на склоне» братьев Стругацких и о проблеме личного участия интеллигента в социальном прогрессе, написал (фактически о судьбе своего творчества и самом себе) следующие строки:

«Знать, что самое для тебя дорогое и выстраданное, — твоя идея, твое понимание, открытая тобой истина — не найдут еще очень долго себе применения и воплощения, только потому, что время понять тебя для окружающих еще не пришло (а когда оно придет, то никто даже не сможет вспомнить, что все это кто-то когда-то давно знал) — это тот воистину тихий и молчаливый подвиг, который многие века совершали и продолжают совершать люди, которым общественное разделение труда предопределило быть **носителями разума своей эпохи**⁷».

Его жизнь остановилась, но научная траектория его творчества, обращенного в будущее, не могла и не может остановиться. Его ученики проводят «Файнбургские чтения». Постепенно появились публикации о З. И. Файнбурге, а затем — публикации его неопубликованных при жизни работ. Этот процесс продолжается и сегодня.

Сохранение наследия. Все остается людям!

Григорий, из нашей переписки я знаю, что Вы многое делаете для сохранения научного наследия З. И. Файнбурга и памяти о нем. Когда Вы начали заниматься этим? Это Ваше собственное решение или исполнение воли отца? Что в целом удалось Вам сделать в этом направлении?

⁵ Однако автор при жизни так и не увидел публикацию своей работы. Книга З.И. Файнбурга «Не сотвори себе кумира...: Социализм и «культ личности»: очерки теории (М.: Политиздат, 1991. 17,5 п.л. Тираж 50 тыс. экз.) в редакционном варианте, несколько отличном от авторского варианта, вышла уже после его смерти. — Г.З.Ф.

⁶ На этом рукопись заново переписываемой Захаром Ильичем главы обрывается. Стр. 24 так и осталась лежать недописанной на его рабочем столе. Именно на ней и написан последний абзац о начале научной эпохи в истории идеи коллективистского общества. Скорее всего, эта последняя фраза была написана утром 6 сентября 1990 г. Днем его в тяжелом состоянии увезли в больницу, и там 10 сентября 1990 г. рано утром он скончался. — Г.З.Ф.

⁷ Выделено нами. — Г.З.Ф.

Мне кажется, что я всегда этим занимался или готовился к этому занятию. Замечу, что мои родители все свои профессиональные дела обсуждали открыто. «Имеющий уши, да слышит», а меня научные дела моих родителей всегда интересовали. И всю свою жизнь я был в той или иной мере в курсе творческих свершений моих родителей. А, начиная с 1987 года, я постоянно помогал родителям с доработкой их рукописей после редакционных замечаний.

Вопрос о моем участии в сохранении или даже реализации «творческого наследия» моих родителей обсуждался только один раз, в 1974 году, когда мой отец очень тяжело болел, ему предстояла серьезная операция и он мог не пережить эту операцию. И вот на протяжении отпущенных ему двух-трех недель предоперационной подготовки Захар Ильич исписывает толстую «общую» тетрадь своеобразным «научным завещанием». А поскольку я стоял тогда только в начале своего научного пути и мог «свернуть» с него, отец передал мне эту тетрадь и сказал: «Я написал свое видение работ по исследованию общества, а выполнять их будете вы с мамой, если меня не станет». К счастью, совместными усилиями врачей, мамы и меня отец выжил после операции и смог прожить еще долгих и плодотворных 16 лет. Но к вопросу о моем участии в реализации его «наследия» мы уже никогда не возвращались. Всё и так было ясно: если будет нужно, я буду участвовать, и это совершенно естественно, но если — нет, то у меня есть свой путь в науке и в жизни, и я иду им, что так же естественно и не обсуждаемо.

Когда летом мои родители уезжали из города, я оставался за «домохранителя» и вел их дела и почту. Я знал всех их «респондентов», и проблема состояла только в том, что их имена в устах родителей звучали как, например, Леня (Коган), Аркадий (Стругацкий), Нариман (Аитов), Володя (Ядов), а мне нужно было еще и отчетство знать.

Смерть в 2000 году мамы — постоянного соавтора Захара Ильича, сделала меня своеобразным наследником его творчества и официальным правообладателем его архива. И я стал активно заниматься сохранением этого богатства мыслей и научных концепций. И делаю это в единстве своих убеждений и явных, но явно не высказанных, пожеланий моих родителей. Глубоко уверен в существенной ценности для современной социологии творческого наследия моих родителей, воспринимаемых мною как «научный тандем выдающихся ученых и педагогов», а не просто как моих родителей. Потому я и занят сохранением их творческого наследия, особенно неопубликованного при их жизни.

Что же сделано? Увы, много меньше того, что хотелось бы.

Сначала, «по свежим следам», в 90-е годы Галина Петровна проанализировала творчество Захара Ильича, определила 10, 50 и 100 лучших его работ, задала определенную «каноническую» схему описания его творчества, которой, кстати, я пока и придерживаюсь. Эта схема, как я сейчас вижу, не бесспорна, возможно, нуждается в уточнении, но она написана соавтором Захара Ильича, и мы неизбежно должны с этим считаться. Затем на основе картотеки Галины Петровны и имеющихся подлинников (99%) было составлено библиографическое описание всех работ Захара Ильича и Галины Петровны. Под названием «Научный тандем...» оно было издано в Перми.

Были опубликованы законченные статьи З.И. Файнбурга по научной фантастике, отвергнутые редакциями и не опубликованные при его жизни. Затем были изданы две монографии, снабженные примечаниями, предисловиями, историей возникновения и т.п. Одна — монография Захара Ильича об утопии в облике научной

фантастики. Вторая, написанная им совместно с Галиной Петровной — о коллективистском обществе. Третья — о роли НТР в развитии общества — находится в стадии подготовки к мемориальному изданию.

Одновременно был издан ряд законченных рукописей, не опубликованных при жизни, например, все рецензии на творчество братьев Стругацких, последние работы об исторических судьбах советского социализма. Написан и опубликован ряд статей о творчестве Захара Ильича. Все публикации сосредоточены в материалах Файнбургских чтений.

Развитие Интернета поставило вопрос об оцифровке работ Захара Ильича. Эта работа начата, но не окончена. Сделано два диска под названием — «Фрагменты». Готовится третий более полный. Собраны материалы о жизни, включая письма с фронта, по которым сделан фильм (его часто показывают по Пермскому телевидению к 9 мая — Дню Победы)... Оцифрована аудиозапись исторических лекций Захара Ильича о культуре личности 1987 года. Одна треть архива подготовлена к сдаче в Пермский краевой архив современной истории.

В процессе знакомства с биографиями российских социологов я встречал разное отношение исследователей к созданию своих архивов, отражающих прожитое и сделанное. К примеру, Б. А. Грушин всю жизнь вел дневник и создал большой архив материалов проведенных исследований, в частности, это позволило ему приступить к созданию его крупномасштабного проекта «Четыре жизни России в зеркале общественного мнения». Значительный архив имел Л. Н. Столович, подобно Вашему отцу занимавшемуся не только научной, но и писательской работой. Но когда я спросил В. А. Ядова, есть ли у него архив, он ответил мне: «...научного архива у меня практически нет, есть пара папок с личными бумагами и несколькими конспектами лекций. Самое ценное — запись ситуаций с разработкой диспозиционной концепции, найти не смог, хотя и не очень старался». Как Вы думаете, почему Ваши родители на протяжении многих лет создавали свой архив, что было движущей силой этого сложного, трудоемкого процесса?

Я думаю, что мои родители никаких специальных целей создания архива не преследовали, и он сформировался на протяжении чуть более полувека стихийно, сам собой. Что же было движущей силой этого многолетнего процесса? Совершенно ясны несколько обстоятельств, объективных и субъективных.

Начнем с субъективных. Мои родители были своеобразными людьми, а их взгляды на жизнь удивительно совпадали. Им абсолютно чужды были «вещизм» и «потребительство», они были людьми «Идеи» и «Служения Истине», и ко всем вещам и делам они относились прагматически с позиции «целесообразности» и «функциональности». Жили они достаточно «скромно», а в молодости даже «бедно», и сохранение всего пригодного для чего либо «на всякий случай» было естественным для них, как дыхание, образом жизни. Книги, письма, рукописи были лишь элементом этой жизни, хотя и самым важным, ибо в них была запечатлена мысль.

Интересно отметить такие эпизоды, характеризующие их уважительное отношение к написанному слову, мысли. В июле 1941 года, уходя добровольцем на фронт, юный Захар Файнбург тщательно сложил все свои книги в огромный чемодан и отнес на хранение в семью друга. Захар жил в общежитии и книги там бросать не хотел. Именно в семье этого друга Захар, вернувшийся с фронта, встретился с Галей Козловой, учившейся на одном с ним факультете. Не быстро и не просто, но они стали мужем и женой, моими родителями, научным тандемом. Галя была подстать

Захару, и морозной зимой 1941 года в прифронтовой Москве совсем еще девочкой не жгла из-за возможного прихода немцев и/или из-за холодов многотомное собрание сочинение Ленина: она и ее семья, жившая в крайне стесненных условиях, хранила эти и другие книги.

Объективными причинами «накапливания» материалов в архиве были «организационно-технические» условия творчества Захара Ильича и Галины Петровны. Отец очень много писал, но его мало публиковали, медленно рассматривали рукописи, все время требовали «учета принципиальных замечаний». Нужно было хранить отосланное, переписку с редакцией и друзьями, проталкивающими данную публикацию, отзывы рецензентов, ответы им, а также все варианты переработки и доработки. Сложность писания рукой вызывала необходимость иметь под рукой машинописные «копии», которые можно было бы при необходимости резать, клеить, редактировать. Поэтому рукописи печатали на машинке под копирку по 4–5 экземпляров, и именно поэтому – готовые цельные рукописные рукописи практически не сохранились. Кроме того, появлялись и «рабочие» папки, куда временно (но как оказалось на десятилетия) складывали заметки по какой-то теме, вырезки, выписки и т.п. Это уже для написания конкретной работы было не нужно, но могло понадобиться при написании следующей.

Обилие тем, по которым работал Захар Ильич, ведение научной, публицистической, педагогической и организационной деятельности также требовали разграничения материала по «папкам». Их было множество, они закупались пачками, и по ним (по их различию) видны годы формирования их содержания.

Так год за годом формировался «склад» или «оперативная память» творческого коллектива, кому как нравится, но не традиционный «архив». Когда уже после смерти Захара Ильича и Галины Петровны зашла речь об «упорядочивании» всего этого материала, и о передаче его в архив новейшей истории Пермского края, это стихийно образовавшееся множество документов стало преобразовываться в настоящий архив, отражающий интеллектуальную жизнь научного тандема советских обществоведов за полвека истории.

Я добавил бы, что Ваши родители были удивительно организованными людьми, многие при тех же обстоятельствах, при том же отношении к делу не смогли бы создать такой архив. А вел ли Захар Ильич дневник, пусть не все годы, но эпизодически? Если да, то нельзя ли с Вашей помощью «заглянуть» в написанное? Это были лишь факты, конкретика дня или и рефлексия по поводу... размышления...?

Вы правы, скорее всего, далеко не все могли бы это сделать. Ведь если вдуматься, то в небольшой двухкомнатной квартире, площадью 57 кв. м, находилось около десяти тысяч книг научной, художественной литературы и альбомов по искусству, а также и несколько десятков погонных метров рукописей в папках. Почти все стены были заняты в два ряда! Сейчас так не живут...

Я думаю, что организованной силой в нашей семье была мама – Галина Петровна, а Захар Ильич не сопротивлялся этой силе. Сам по себе он был более импульсивной и разбросанной личностью, и, сверх всего он любил «прикалываться», говоря современным языком. В отличие от него мама «приколами» и «эпатажем» никогда не «баловалась». Иногда мне кажется, что именно мама своеобразным «горячим утюгом» разумности, целесообразности, функциональности и рациональности выгладила своеобразный и довольно «тяжелый» в социальном смысле характер моего

отца, оставив ему только «буйство» его мыслей, и тем самым сделала из него «выдающегося» ученого. Недаром мама любила говорить: Муж голова, а жена — шея, куда шея повернет, туда и голова смотрит!

Вообще же, обладая великолепной памятью, способностью к языкам, к творчеству «вообще», начитанный и «насмотренный» (он очень любил живопись) Захар Ильич очень многое знал, многое записывал, что-то явно пытался написать сам, но что? Да и это не главное в архиве. Главное — мысли о развитии общества.

В первой половине 50-х годов, до активного начала занятия наукой, Захар Ильич периодически в разных блокнотах и тетрадях записывал нечто, что с известной долей «натяжки» можно отнести к дневникам: там были и даты конкретных дней, иногда беглая запись событий, но всегда были размышления по многим поводам. Потом оказалось, что записывать мысли лучше всего не в блокнотах и тетрадях, а на отдельных листках, ибо затем их можно было компоновать разным способом в зависимости от обстоятельств. С появлением этих отдельных «листочков» такое явление как «дневник» неизбежно исчезло само собой.

Поскольку Захара Ильича «плохо» публиковали и жестоко редактировали и цензурировали, то его оригинальные и нетрадиционные мысли на нетрадиционные темы кочевали из статьи в статью, а чаще, записанные в блокнотах или на листочках, ложились в «братскую могилу» архива. Читать эти листочки — мое любимое занятие. В них бьется мысль... В опубликованных статьях она зачастую изложена эзоповым языком, или деформировано, фрагментарно, а в записях для себя — напрямую, четко и ясно. Вот и хочется рассмотреть все эти идеи и мысли...

А может потому Захар Ильич «официальных» дневников не вел, что всегда очень рано засыпал — он спал часов с 18 вечера... Никаких итогов дню прошедшему специально не подводил... Да и не мог — он мог внезапно заснуть сидя, не раздевшись, в любой позе и в любом месте... Он не любил сон, почему то его остерегался... но засыпал... Его предчувствия сбылись — он умер во сне...

А может потому Захар Ильич не вел дневник, что предпочитал смотреть вперед... «Не оглядывайся, иди вперед!» — довольно часто я слышал от отца. И сам он всегда мужественно и неуклонно следовал словам Реквиема о борцах за социальный прогресс и справедливость «Несите их Знамя вперед!».

Дневники вела мама, но и то, как правило, на отдыхе, в лесу. В другие — рабочие — дни, мои родители говорили столько, писали столько, что не до дневников было. После смерти отца мама стала чаще вести записи (совмещенные с записями преподавателя), ибо ей не с кем было говорить. Записи позволяли «выговориться», заменяли собеседника.

В конце своей жизни, четко осознавая ее брэнность из-за тяжелой болезни, в процессе написания книги — формально о культе личности, а фактически — о путях развития социализма — Захар Ильич иногда уносился мыслями в прожитые годы и писал те или иные «кусочки» — одну-три автобиографические странички по тому или иному поводу.

Характер размышлений Захара Ильича всегда был глобален, это был его стиль, все частное он всегда видел через призму всеобщего. А потому от конкретики он всегда поднимался в своей теории до всеобщих обобщений, связанных с развитием человечества. Например, заканчивая наброски плана-проспекта книжки «Что есть спорт?», Захар Ильич пишет в предполагаемом Заключение: «Основные тенденции развития физической культуры и спорта. Возможна ли «цивилизация спорта»? Спорт

и будущее общества». Проблемы спорта интересовали Захара Ильича не потому, что он в юности им занимался и любил смотреть футбол и хоккей, а потому, что именно спортом, по мысли Захара Ильича, могли бы заниматься свободные от труда и «сытые» земляне будущего.

Социология и научная фантастика

И из прочитанного мною о Вашем отце и из уже сказанного Вами выше можно сделать вывод, что фантастика, фантастическая литература были для Захара Ильича не просто хобби, не только интеллектуальным развлечением, но значительной частью его профессиональных и гражданских размышлений. Как это сложилось? Что им написано о фантастике?

Сегодня очень сложно сказать о том, как начинался интерес Захара Ильича к огромному пласту художественного творчества и общественной мысли, обобщенно называемому «социально-философская научная фантастика». Когда и как впервые соприкоснулся он с произведениями данного жанра в точности неизвестно. Но думается, что его первое соприкосновение с «фантастикой» в облике «научной фантастики» произошло еще в юности. Я отталкиваюсь от того факта, что такие неканонические «фантастические» произведения социалиста Джека Лондона, как «Алая чума» и великолепный «Межзвездный скиталец», были представлены в библиотеке Захара Ильича своими ранними изданиями 20-х годов. Они не были запрещены, но о них и не говорили широкой массе читателей, не переиздавали, хотя о «Железной пяте», которую ценил Захар Ильич — писали. Когда он с этими произведениями познакомился — до войны или после нее — мы не узнаем никогда, но думается, он читал все это еще до войны в юности, одновременно с чтением Герберта Уэлса и Жюль Верна (общепризнанных классиков научной фантастики).

Вторым «соприкосновением» Захара Ильича с «фантастикой», видимо, нужно считать великие Утопии «сэра Томаса Мора и преподобного Томазо Кампанеллы» — как называл сам Захар Ильич этих двух выдающихся мыслителей. Скорее всего, это соприкосновение произошло во время обучения в университете, ибо три источника и три составных части марксизма: немецкая классическая философия, английская (буржуазная) политическая экономия, французский утопический социализм — были обязательны для обучения будущих политэкономов.

Заметим, что Захар Ильич прекрасно разбирался во всех этих «премудростях» и «источниках», усвоил их идеи не просто как набор «изучаемых и сдаваемых» предметов и знаний, а как методологию собственного мышления и быть может, единственный вопрос этой методологии не был известен Захару Ильичу: **«О чем думал Карл Генрих?»**, когда писал свои работы. Этот вопрос был интересен Захару Ильичу тем, что К. Маркс анализировал капитализм с позиции более развитого общества, но не «писал» о самом этом обществе, ибо в точности не знал, каким оно будет. Аналогичная научная задача стояла и перед Захаром Ильичем — он хотел дать научный анализ современного ему социализма с позиции более развитого общества, о котором наука практически ничего не знала.

Третьим, и решающим, «соприкосновением» Захара Ильича с «фантастикой» нужно считать потребность логики его научного творчества в образных инструментах исследования развития общества за пределами возможностей рациональной науки.

Это можно было сделать, только выйдя за привычные пределы строго научной Ойкумены в «открытый» или «дальний», не суть, «Космос», всегда понимаемый Захаром Ильичем как метафоричная условность, позволяющая в наше время конструировать любые иные социальные миры в их синкретичном образном виде. Недаром Захар Ильич все время писал о «моделях будущего», а редакторы упорно вычеркивали эти слова. Какие «модели» могут быть, когда советское общество строит «коммунизм»!?

Подчеркнем, что применение Марковского метода диалектической логики к основной теме научного поиска Захара Ильича — переходу от индивидуалистских обществ к коллективистскому — сразу же ставило перед ним массу нерешенных, и, скорее всего, принципиально не решаемых, наукой вопросов.

В то время все официальное советское обществоведение твердило о коммунизме, как о бесконфликтном рае на Земле, как о **финале развития** общества, Захар Ильич думал о **механизмах развития** общества, в котором привычный нам экономический механизм развития исчезнет.

И первый вопрос, который сам себе ставит Захар Ильич⁸ еще в начале 60-х годов с пометкой «К проблеме противоречий» — не противоречит ли идея о коммунизме как о **последней** ступени развития общества идее **бесконечности развития**? И находит обоснованное решение, что нет, не противоречит: «Бесконечность развития — общая закономерность. Тогда как каждое явление само по себе конечно, и развитие его отдельных свойств конечно. Экономический строй общества — это одна из частных сторон общественного развития. Поэтому перенесение главной линии общественного развития на другую сторону общественной жизни (собственно социальную) не противоречит идее развития (законам диалектики) и — поскольку экономика остается базой этого развития — не противоречит и материализму».

Нам кажется, что такое понимание Захаром Ильичем возрастающей роли «социального» при постепенном уменьшении роли «экономического» внутренне стимулировало перенос его научных интересов и профессиональных занятий от экономики к социологии. Проблемы прошлого и настоящего лежали в сфере механизмов экономического развития, проблемы будущего — преимущественно в сфере социального. Вот почему, не оставляя совсем своих занятий политэкономией «социализма», он активно начинает заниматься социологией будущего, ища ответы на свои научные вопросы не только в теории, но и образном предвосхищении социальной жизни в будущем средствами научной фантастики.

Но для этого нужно было преодолеть утопические иллюзии, «...что с разрешением **ГЛАВНОЙ ПРОБЛЕМЫ** (главной для всего предшествующего отрезка истории и для настоящего) будут решены **ВСЕ**⁹ **ПРОБЛЕМЫ**... Но на место одной «главной» встанет другая и бесконечный процесс развития общества через противоречие продолжится — до бесконечности или до гибели человечества».

И одними из центральных противоречий будущего должны были стать усиливающиеся противоречия личности и общества. «Личность, свободная от экономических шор, от законов и принудительной силы и т.п. — как она будет вести себя в обществе?» — вот вопрос, который интересовал Захара Ильича как профессионального социолога при его анализе развития общества, и Захар Ильич упорно занимается уяснением этого вопроса.

⁸ Записная книжка 1962 года. — Г.З.Ф.

⁹ Не только написано крупно, но и дважды подчеркнуто! — Г.З.Ф.

На одном из листков размышлений с пометкой НФ-СУ [научная фантастика — социальная утопия] сохранились следующие мысли: «Наверное, для раба переломной точкой предвидения было: все стали свободными. Какие антагонизмы будут раздражать свободных — этого он не знал и предвидеть почти не мог!

Мы — голодные. Наш прогноз, наша критическая точка — сытость! Но мы уже видим это состояние — и точка «поползла»: что же делать с сытыми?».

В одном из сохранившихся набросков Захар Ильич писал: «Фантастика поставила (пока в достаточно смутном виде) назревающие вопросы (проблемы), которые наука еще не может поставить достаточно строго» и среди них на первое место поставил социологический вопрос: «**Чем (и зачем) жить сытому?**».

Повторим, что это была проблема, которая очень интересовала Захара Ильича, и как человека и как социолога. Что же станет двигать человеком, когда двигающая его сегодня проблема сытости (благополучия) будет полностью удовлетворена (в те годы считалось, что это должно было быть сделано вот-вот наступающим коммунизмом, но уже практически сегодня решено современным производством рыночной экономики).

Но как раз об этом нельзя было в то время ни говорить, ни спорить, ни писать. Но именно об этом, так или иначе, говорится во всех работах Захара Ильича по фантастике. Это была центральная проблема будущего, социальные проблемы которого пытался исследовать Захар Ильич.

Много позже пика своих занятий научной фантастикой (уже в 1981 году) Захар Ильич в областной молодежной газете писал: «Современную научную фантастику связывает с Мором и Кампанеллой стремление найти лучшие варианты человеческого развития, которые сделали бы более счастливой человеческую жизнь, более справедливой. И, вместе с тем, — попытка найти художественную форму, которая позволила бы достичь эффекта целостности.

Современная фантастика ставит перед нами проблемы в такой области, где мы имеем дело с тенденциями, конечный результат которых науке пока не ясен. Научная догадка доходит до определенного предела, а дальше начинается область гипотез, а еще дальше — область чистой фантастики. То есть мы пытаемся эту тенденцию рассмотреть в фантастике как реализованную, продолженную».

Захар Ильич был едва ли не первым ученым-обществоведом, кто оценил значение социальной научной фантастики как формы общественного сознания, как неотъемлемого элемента социального прогнозирования, как возможного средства моделирования тенденций общественного развития и их результатов.

К сожалению, судьба была неблагоприятна к занятиям Захара Ильича фантастикой. Почти все, написанное им на эту тему, осталось не опубликованным при его жизни. В частности, несмотря на все попытки, так не удалось опубликовать ни одной работы по социологии будущего, ни одной рецензии на творчество А. и Б. Стругацких, ни одного варианта его книги «Предвидение против пророчеств» об утопическом романе и научной фантастике.

Рецензиям на произведения С. Лема повезло больше. Они, пусть в сильно урезанном виде, но все же были опубликованы, а одна — даже переиздана в ФРГ. «Солярис», «Возвращение со звезд», «Навигатор Пиркс», «Глас Господа», «Маска» — получили оценку их истинного содержания с позиции социологии будущего. В 1965 году, принимая Захара Ильича у себя дома в Закопане, С. Лем в разговоре о социальном значении «Возвращения со звезд» сказал: «Вы лучше знаете мой роман, чем я».

За 30 лет непрерывного осмысления проблем утопического сознания, литературной утопии, научной фантастики из всей массы написанных рукописей удалось опубликовать только две, да и то в малотиражных сборниках трудов провинциальных вузов. Все остальное легло в «архив» и частично опубликовано нами уже после смерти Захара Ильича в трудах Файнбургских чтений.

Заметим, что сегодня многие мысли Захара Ильича, впервые высказанные в 50–60–70-е годы прошлого века, хорошо известны. Что-то было им все же опубликовано, что-то было переоткрыто и опубликовано другими уже много позже его подвига первооткрывателя, что-то за полвека стало общеизвестной и общепризнанной истиной. Но в те годы вопросами утопии и утопического сознания не занимались, вопросами, которые ставила социально-философская научная фантастика, даже не интересовались.

Обратим внимание, что необходимость естественного дополнения рационального научного исследования образной научной фантастикой была в то время резко и непропорционально усилена обстановкой невозможности реально исследовать вариативность процессов общественного развития, а также публично говорить об этом. Требовался «эзопов язык» и социальная научная фантастика не только выполняла эту функцию, но и давала возможность ставить и говорить о проблемах движения к будущему в рамках литературоведческого анализа тех или иных произведений.

В этих условиях Захар Ильич неминуемо должен был использовать доступный ему «формальный повод» — анализ произведений научной фантастики — для изложения «запретных тем» — результатов научных исследований исторического места социализма и социологии будущего.

Самая ранняя законченная и большая, но так и не опубликованная, рукопись с названием «Социология будущего и социальная фантастика» относится к лету 1964 г. (объем — 68 машинописных страниц). В ней для наименования науки о социальном будущем Захар Ильич не стал использовать термин футурология, а ввел новый термин «социология будущего», понимая под ним в первую очередь социальный прогноз, прогноз социального развития. Шло становление концепции...

Вторая из законченных больших, но так же не опубликованных, рукописей датируется 1966 годом. В первоначальном наброске ее структуры она была названа «Предвидения или пророчества? (Современная социальная утопия и современная научная фантастика)», а ее темой становились роль и место будущего в жизни современного общества.

Параллельно рукописям «больших» работ были написаны и другие работы. К меньшим по объему формам (порядка 30 страниц машинописи) следует отнести первоначальную рукопись статьи «Современное общество и научная фантастика (к вопросу о специфике образного отражения ступени социального развития), которую Захар Ильич направил в «Вопросы философии».

Не без сомнений, но статью в сильно измененном варианте приняли, и под названием «Современное общество и научная фантастика» в 1967 году она была опубликована¹⁰. Эта статья была и остается одной из фундаментальных работ в этой области.

В 1968 году Захар Ильич пишет работу «Вчера — сегодня — завтра (К вопросу о современной утопии)». Ее объем — 132 страницы машинописи. В качестве эпиграфов была взята любимая Захаром Ильичем фраза из «Трудно быть богом» братьев

¹⁰ Журнал «Вопросы философии», 1967, № 6. — Г.З.Ф.

Стругацких «...Будущее создается тобой, но не для тебя...» и слова И. Г. Эренбурга «...Я не заботился о потомках, но мне хотелось отличить минутные прихоти человечества от его природы». Но и она осталась неопубликованной.

Возможно, что, закончив именно эту рукопись, З. И. Файнбург договорился написать совместную книгу о фантастике с Э. А. Араб-Оглы. Эдвард Артурович брал на себя анализ научной фантастики на Западе, характеристику буржуазных утопий и антиутопий, а Захар Ильич – современную научную фантастику в СССР и социалистических странах Европы. Рукопись книги «Современная утопия в ее образном выражении (Современная утопия и научная фантастика)» датирована 1969 годом. Однако в ней были написаны лишь три главы, за которые отвечал Захар Ильич. Э. А. Араб-Оглы свою часть писать не стал и, ссылаясь на занятость другими книгами, отказался от дальнейшей совместной работы. Публикация не состоялась.

В конце 1971 года Захар Ильич пишет 69 страничное цельное эссе – «Человек и будущее», где много места посвящено «Улитке на склоне» А. и Б. Стругацких. Рукопись так и не увидела свет при жизни Захара Ильича и была опубликована лишь в 2000 году нами.

В 1972 году З. И. Файнбург предложил Политиздату рукопись «Предвидение против пророчеств (Современная утопия в облике современной научной фантастики)» объемом 10 п. л. В ней множеству методологически разных пророчеств Захар Ильич решил противопоставить одно научное предвидение. Рукопись приняли, подвергли рецензии, собрались было издать, собрали тираж, но она натолкнулась на «непреодолимое препятствие» идеологического характера и издательство в 1974 году расторгло договор. Все неоднократные попытки в любом урезанном и/или существенно измененном виде опубликовать эту книгу в других издательствах также остались безрезультатны.

Интересно отметить, что Захар Ильич не просто читал фантастику, писал о ней рецензии, статьи и книги, он искал и находил ответы на интересующие его вопросы современности в научно-фантастических произведениях социально-философского характера. В частности, хорошо понимая механизмы революции 1917 года, Захар Ильич искал и нашел ответ на вопрос: знали ли большевики о том, что истинной победы социализма в крестьянской России скорее всего никогда не достичь... Да, знали, но не все!

Дело в том, что член ЦК¹¹ партии большевиков, обеспечивший им большинство над «меньшевиками», и тем самым, имя партии, А. А. Богданов косвенно писал об этом в своем научно-фантастическом романе «Красная звезда». Хорошо зная это произведение, и вообще творчество А. А. Богданова, Захар Ильич использовал этот материал в своей книге «Не сотвори себе кумира...», чтобы рассказать широкому читателю о наиболее вероятном пути человечества к коллективистскому обществу:

«В 1907 г. была написана и в 1908г. опубликована книга видного деятеля РСДРП (б) того времени, одного из ее организаторов в революции 1905–1907 гг., члена ЦК РСДРП А. А. Малиновского (Богданова по псевдониму) «Красная звезда». По своему жанру это социально-утопический роман. Скорее всего, именно жанр отпугивал раньше исследователей политической истории этого времени, тяготеющих к архивам и официальным документам, но мы в данном случае считаем жанровую принадлежность произведения вторичной. Важны развитые там идеи, судьба этих идей.

¹¹ Тогда, в 1905–1907 гг., в ЦК РСДРП (б) было всего пять человек. – Г.З.Ф.

В романе один из представителей высокоразвитой коммунистической цивилизации Марса, ученый (математик и астроном), дает вполне конкретную перспективу развития социалистической революции на Земле. Пусть простит нам читатель длинные цитаты, но мы постараемся дать возможно полно эти оценки (якобы «со стороны») перспектив революции на нашей планете.

Оценка начинается с констатации острой неравномерности политического развития земной цивилизации, национальной и государственной разобщенности социального развития, огромной, решающей роли вооруженного насилия в этом развитии. Отсюда следует вывод о характере социальной (в данном случае социалистической) революции: «...предвидится не одна, а множество социальных революций, в разных странах в различное время, и даже во многом, вероятно, неодинакового характера, а главное — с сомнительным и неустойчивым исходом... Отдельные передовые страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова враждебного им капиталистического, а частью даже докапиталистического мира. Боясь за свое собственное господство, высшие классы несоциалистических стран направят свои усилия, чтобы разрушать эти острова, будут постоянно организовывать на них военные нападения... Даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм...»¹².

И это было написано А. А. Богдановым в 1907 году, а не в 1997, когда все написанное им из возможного будущего уже превратилось в историческое прошлое.

Сам Захар Ильич всегда был чужд социальной ограниченности и мистическим предсказаниям и в оценках будущего придерживался позиции А. и Б. Стругацких: «...боязнь грядущих бедствий не терзаются, надеждою будущих благ не обольщаются».

Начиная с середины 80-х годов, Захар Ильич неоднократно, в том числе публично, говорил и даже писал, что, если не предпринять решительные и экстренные меры по исправлению сложившейся в советском обществе кризисной ситуации, если не форсировать научно-техническую революцию, если не реализовать исторические преимущества социализма, как общества коллективистского типа, то соревнование двух систем на современном этапе исторического развития будет проиграно, а всю советскую систему и советское общество ждет крах, немедленный и неминуемый, как только на волне стремления к демократии запретят коммунистическую партию¹³.

Подавляющее большинство его предвидений сбылось. Общая тенденция была угадана точно, а небольшие отличия в «мелочах» лишь показывают, что Захар Ильич был социальным оптимистом и в целом думал о людях лучше, чем они оказались на практике. Социальная наука промолчала, а наступившая действительность оказалась сродни самым мрачным анти-утопиям фантастики.

Завершая разговор о жизни и творчестве Захара Ильича, мне хочется сказать: На протяжении полувека научный тандем Захара Ильича Файнбурга и Галины Петровны Козловой неустанно работал на благо людей, исследуя структуру нашего общества и закономерности его развития. Их научное наследие остается открытым для всех, кто будет развивать социологию и обществоведение дальше.

¹² Богданов А.А. Красная звезда // Русская литературная утопия. М., 1986. С.282. — Г.З.Ф.

¹³ Что и произошло через год после смерти Захара Ильича. — Г.З.Ф.